

«Не вижу в нем надобности для СССР...»

Где-то в дневниках Борис Эйхенбаум, известный пушкинист и литературовед, посетовал на «нехватку» биографии. Мол, университет, книги, семья — вот, собственно, и все, что «случилось» в его интеллигентской жизни. Судьба Владимира Александровича Костицына (1883—1963), математика, астрофизика, эколога, отличалась такой насыщенностью событиями, которая достойна самого высокого романа*. В начале века социал-демократ, организатор боевых партийных дружин, он близко общался с В.И. Лениным, но отказался войти в ЦК большевиков; после революции 1917-го высокий советский чиновник от науки — член коллегии возглавлявшегося Н.П. Горбунным Научно-технического отдела ВСНХ, профессор математики и заведующий научным отделом Главнауки Наркомата просвещения РСФСР. Казалось бы, Владимиру Александровичу, имевшему репутацию «левого» профессора и авторитет среди большевистских вождей, была обеспечена вполне благополучная жизнь и карьера. Возможно, именно хорошее знание потаенных законов партийной жизни подсказало Костицыну о приближающейся опасности, и в 1927 г., выехав в командировку во Францию, он уже не вернулся в СССР. После окончания второй мировой войны, как многие его соотечественники, Костицын подал заявление в советское посольство в Париже и получил заграничный паспорт советского гражданина, однако поехать на родину так и не решился.

Между тем в его довоенной биографии был любопытный факт,

* Подробнее см.: Незнакомый Костицын // Российская научная эмиграция: двадцать портретов. М., 2001. С.28—56; см. также: Природа. 2001. №4.

возможно, частично объясняющий причины такого решения. В 1940 г. Костицын отправил из оккупированного нацистами Парижа письмо вице-президенту АН СССР Отто Юльевичу Шмидту с просьбой о содействии возвращению на родину. Когда-то именно Костицын ввел молодого Шмидта в круг московских математиков... Считается, что установка — «разрешить или отказать» — всегда предписывалась с самого «верха», однако сохранившееся письмо Костицына и резолюция на нем О.Ю.Шмидта показывают, что это не так; немалое значение имела и позиция властных представителей самого научного сообщества.

Париж, 22 декабря 1940 г.
Глубокоуважаемый Отто Юльевич!

Пользуюсь представившейся оказией, чтобы послать Вам это письмо, ибо всякими иными путями писать невозможно.

Я хотел бы положить конец создавшемуся недоразумению и работать у себя и для своих. Что и как для этого нужно сделать?

Скажу Вам вкратце, что я делал эти двенадцать лет и что я хотел бы делать:

1. Я занимался (не очень долго) магнитометрией, гравиметрией и электрическими методами геологической разведки (есть ряд печатных мемуаров).

2. Я составил для Institut H.Poincaré весьма обширную библиографию по теории вероятностей с приложениями.

3. Я очень много занимался вопросами биологии в математическом аспекте (напечатано много мемуаров и три книги, из коих одна «Biologie mathématique» переведена на английский язык).

4. Я занимался очень много вопросами геологии, тоже в ма-

тематическом аспекте, но пока напечатал очень мало; подготавливаю книгу.

5. Я занимался разными проблемами дифференциальных и интегральных уравнений (напечатал книгу и ряд мемуаров).

*К этому прибавлю несколько слов о работе моей жены**.*

1. Она в течение ряда лет работала в качестве зоолога в зоологической и сравнительно-анатомической лабораториях Сорбонны, где вела техническую и научную работу (напечатала ряд мемуаров) и также практические занятия со студентами.

*2. В течение ряда лет она работала паразитологом в соотв[етствующей] лаборатории*** — Фасе (у проф. Brumpt).*

3. Прodelала статьи по бактериологии в Пастеровском институте у покойного проф. Вейнберга.

4. Принимает участие в гидробиологическом исследовании реки Сены.

5. Резюмировала советские зоологические работы для «Année biologique».

Таким образом, оба мы приедем не с пустыми руками и можем весьма пригодиться. <...>

Шлю Вам самый сердечный привет В.Костицын.

На письме резолюция О.Ю.Шмидта: «Автор письма, проф. Костицын, в свое время обманул Советскую власть и, воспользовавшись командировкой, сбежал. Не вижу в нем надобности для СССР. Оставить письмо без ответа. О.Шмидт 27 января 1941».

Архив РАН. Ф.2. Оп.1а (1941). Д.238. Л.9—10.

С.М.С.

** Юлия Ивановна Гринберг (1899—1950).

*** В документе начало названия лаборатории пробито дыроколом.